



Владимир Бойков

ВОЗДАС

Владимир Николаевич Бойков

Возглас

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43444580

Возглас. Избранная лирика (1958–2018): Свиньин и сыновья;

Новосибирск; 2019

ISBN 978-5-98502-216-2

Аннотация

В новую книгу стихов Владимира Бойкова, члена Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра, вошли избранные стихотворения из ранее изданных книг («Обоюдность», Москва, 1988; «Посещения», Москва, 1996; «У четверти века в гостях», Москва, 2002; «По обе стороны глаз», Новосибирск, 2008; «Автопортрет», Москва, 2012), а также новые стихи (2012–2018).

Лирика поэта – философская, интимная или гражданская – просматривается зачастую через призму пейзажной, когда содержание внутреннего передается через созерцание внешнего, что является как особенностью его жизнеощущения, так и пространственно-временной «уместностью» претворения в стихи.

Первый раздел книги составляют стихи новосибирского периода. Во второй раздел вошло созданное уже в московский период и в бытность поэта в Замосковье, где возникли также ещё не издававшиеся стихи третьего раздела.

Эссе Владимира Свиньина, одного из издателей прежних книг поэта, освещающее некоторые замечательные и неожиданные аспекты его творчества, достойно дополняет эту книгу.

Содержание

На вдохе	8
Ноктюрн. Окно	9
В горах	10
Охота	11
На шелковом пути	12
Рабочее утро	14
Колдовство	15
«Набраться силы в роще б –...»	17
Среди Евразии	19
Что делается	20
«Есть печаль – густа, как в сотах мёд...»	22
Камень	23
«Упал кочевник от удара –...»	24
«Слетела тихая снежинка...»	26
«Ещё в томлении блаженном...»	27
Баллада о встрече	28
Гастроль под открытым небом	30
Мельня	31
«Весенние кроны...»	33
«Я брал её за тонкие запястья...»	34
«Ликует птаха и полощет в горле...»	35
У костра	36
Точность	37

Пришествие	38
Провожая	39
Цокот	40
«Ночи зимние...»	41
Однажды	42
Погудки	44
I. Табор	44
II. Похороны	45
III. Снежок	45
Ноктюрн. Отзвуки	47
Утильщик	48
Ноктюрн. Звезда	49
Торг	50
«Душа не покидает естества...»	52
«Равно я перед ней в долгу...»	53
Зимние хорей	54
Дорожная тетрадь	64
I	64
II	65
III	66
IV	67
V	68
VI	69
VII	70
VIII	71
Собственные колебания	73

«Проездом в голимые степи...»	74
Махина	75
«Я нашёл у души изнанку –...»	76
«Вдруг значение слова...»	77
Древо	79
«Вот антиквар теней – тот, кем сообщены...»	80
В горах опять	81
Мнемография	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Владимир Бойков

Возглас. Избранная лирика (1958–2018)

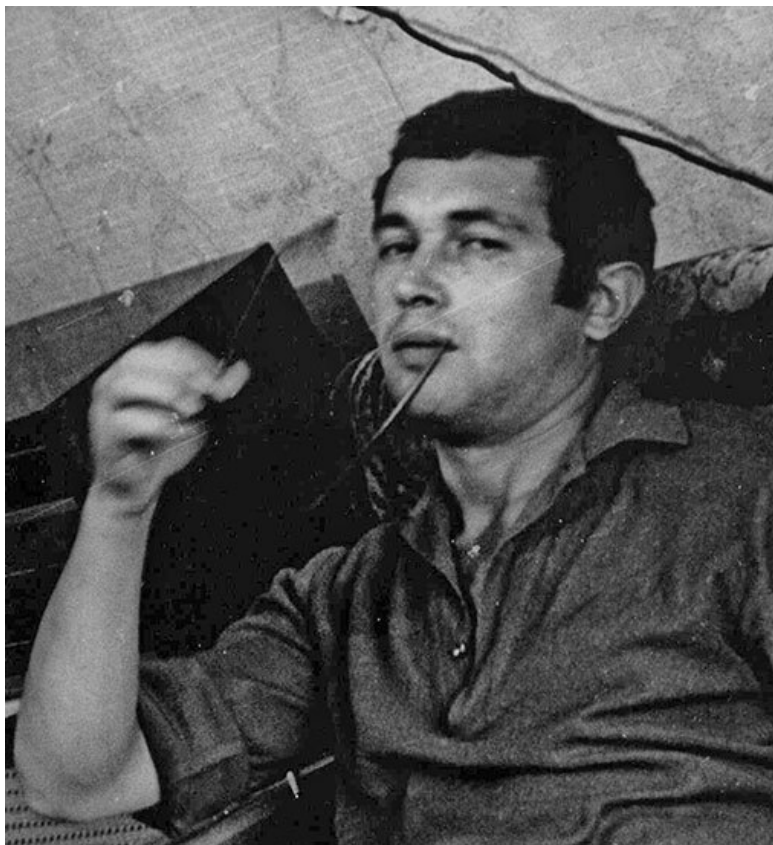
© Бойков В. Н., 2019

© Свиныин В. Ф., послесловие, 2019

© Сапожникова В. И., оформление, 2019

* * *

*На вдохе
Новосибирск
1958–1974*



Ноктюрн. Окно

Электрическим потоком
из осенней темноты
схвачены дождя косые
струи, да стволы босые,
да прибитые цветы.

Это я за кромкой света
здесь, в саду, а за окном,
за невянущей геранью,
не готовая к свиданью,
ты в халатике цветном.

Это губы мои бредят
каплей с мокрого куста,
но сомкнулись занавески,
и настигли ливня плески
слух, и высохли уста.

1958

В горах

С чистой музыкой сверь
в звёздных высях светание –
этих грифельных сфер
на глазах выцветание.

Над пустотами свет,
просквозив, задевает
гребни гор, и хребет
за хребтом оживает.

Но слепящий раструб
солнца в зыбкости рани –
за уступом уступ –
обнажает их грани
и не глянет туда,
где во мраке ребристом
неизбежна вода
в прыжке серебристом.

1960

Охота

В. Горбенко

Закат жар-птицей по волнам
рассыпал перья пламени,
но постепенно полинял,
и небосвод стал правильной.

Я жадно ждал: взметнётся дичь —
по небу точек россыпь,
хотел я дробью дичь настичь,
схватить и в лодку бросить.

И ствол меж чёрных камышей
косился чёрным козырем,
и вот отчётливой мишень
над тёмным стала озером.

Я не сорвал, нажав курок,
урок естествознания,
и шлёпал борт, и был гребок
куда весомей знамени.

Валялось на корме ружьё
без улетевшей дичи,
азарт лишь, схваченный живьём,
был подлинной добычей.

На шелковом пути

Среди равнины
торчат упрямо
орлы на руинах
дворца или храма.

Палящий полдень,
попынь да пыль,
ленивому поддан
ветру ковыль.

Варан разъярён –
ворохнулся бархан,
звон-позвон-перезвон –
идёт караван.

Несут купцы
бород ножи,
усов ножницы.

Впереди – миражи,
и грезится отдых
на верблюжьих мордах,
на горбах же – скопцы
и наложницы.

Э, эмир нашёл,
что менять на шёлк!

Плыла пиала луны,
сочилась кумысом степь,

и мучились валуны,
оставленные толстеть.

Причудливых теней провал –
очерчивался привал.

Немела монета луны,
но тысячезвонна степь
и тени иные вольны
разбойничье просвистеть.

Косились купцы на луну,
ощупывая мошну.

Бледнеет лицо луны –
булатом сболтнула степь,
в тени меж тюков пластуны,
сладка степная постель –
полынь, аромат, дурман...

Проспал даже смерть караван.

1962

Рабочее утро

Зимний рассвет –
это свет
незрелый,
хрусткий и белый.

Это обочин огромность
в сугробах
и озабоченность
машин снегоуборочных.

Это деревьев нескромность
в морозных оборочках
там, за фигурами в робах,
в пальто на ватине
и в шубах.

Это яблок бесшумных
подобием – иней,
выдыхаемый густо.

Это воздух, набухший до хруста.

Это я в эту облачность долю
вношу:
и дышу,
и глаголю!

Колдовство

О, зори озёры –
рыбьи отплески!

А во лазори
глыбы-облаки.

Око опрокинь
на берегинь:
ой, озоровать –
во озеро звать!

К берегу гребь,
бери грибы.

Росу вороши,
грозу ворожи.

Дождаться дождецу,
политься по лицу –
заберётся бусым
к берёзам босым.

Просьба вымолвлена –
проса ль вымолено?

На озёрную гладь
летят зёрна, глядь!

То ж скупой
дождь слепой.

Солнце вьётся,
лучится, как луковица!

Тсс!..

Зовётся,
кричится, аукается...

Напрягают пичуги
связки,
и сбегают испуги
в сказки!

«Набраться силы в роще б –...»

Набраться силы в роще б –
там корень или ветвь,
живущие наощупь,
меня сильнее ведь,
безмысленной (не глупой)
там жизни кутерьма.

Моя ж любовь к безлюбой –
беспомощность сама.

Меж холодом и светом
мембрана дерева
в неведение продета,
а я же без конца
и сердцем беспокоен,
и совестью слаб.

В сведенье такое
трава не забрела б:
ей на земле хватает
соседства – и чужда
взаимость чувств пустая,
в которой мне нужда.

Спешу до наступленья
потёмок в угол свой
к отваге осмысленья
повинности живой.

Среди Евразии

Г. Прашкевичу

Вам привезут невзрачный камень
и скажут, сдерживая пыл,
что камнем тем прапапа Каин
прапапу Авеля убил.

Вам привезут коробку с прахом
из фараоновых гробниц
и скажут с хохотком и страхом,
что пылу древних нет границ.

Не позавидуйте счастливым
и гляньте под ноги себе:
приют здесь вечный стольким лицам,
пылившим в мировой судьбе!

1963

Что делается

Цветы на газонах шутами
танцуют, и сердится шмель.

Шатает дома и шатает
деревья неведомый хмель.

От ветра – ответ вероятный –
в аллеях отсутствует сор,
от ветра и грозные пятна
уходят с небесных озёр,
от ветра и солнечный обруч
под моточиханье и треск,
пылая над крышами обочь,
на свой возвращается трек.

Откуда он, резв и приветлив,
тот ветер? Да что за вопрос!

Конечно же город проветрил
качелей воздушный насос,
где платья скрипучим маршрутом
то лепят фигур горельеф,
то вспучиваются парашютом,
упружьями ног засмуглев.

Не лужа, а сброшенный вымпел
с высот – синева разлеглась,
и жук, любопытствуя, выполз,
выпуклый словно глаз.

«Есть печаль – густа, как в сотах мёд...»

Есть печаль – густа, как в сотах мёд
или плач янтарный сосен жарких,
есть глаза – как первый утлый лёд
в колеях, разведших осень в парках.

Горесть, сладость – в сердце про запас
нам, как для зверёнышей игривых:
медленно мигнул «павлиний глаз»,
ощетинив у щенка загривок.

Но о том, что кончилась игра,
осень объявления расклеит,
и наступит пресная пора,
и волчонок за ночь повзрослеет.

Пусть дождём разбавится печаль –
я утком втянусь в его волокна
и поставлю глаз моих печать
на твои заплаканные окна.

Будет чем твои приправить сны,
если станет выюга «ю» мусолить, –
ведь, наверно, хватит до весны
вымершей на стёклах страстной соли.

Камень

А. Тиццину

Сухой язык прилипнет к нёбу.
Придя к мохнатым валунам,
молча от ярости, я злобу
на камни выхлещу сполна.

Плеть сыромятная просвищет,
мох прыснет с каменного тела,
но лопнет злое кнутовище,
повиснут руки опустело,
и станет стыдно...

И преданья
идут к остывшей голове
о милостивом божестве,
что избавляет от страданья:
коснётся золота на миг
и роем пчёл запламенеет,
а исцеляя горемык,
само от горя каменеет.

И стыдно мне.

Возьмусь руками
и чувствую – вздыхает камень.

«Упал кочевник от удара –...»

*«Учитель, странствуя, решил закусить у дороги
и, отогнув полынью, заметил столетний череп».*

Лецзы

(перевод с китайского Л. Д. Позднеевой)

*«В этом черепе был когда-то язык,
его обладатель умел петь».*

В. Шекспир «Гамлет»

(перевод с английского Б. Л. Пастернака)

Упал кочевник от удара –
и покати́лась голова
и чёрным оком увидала,
как пере́красилась трава.

Тот, кто её булатом узким
перехватил у кадыка,
мог знать, какая звёздным сгустком
в зрачках отчаялась тоска.

О чём?

Не знаю – мне ли через
тысячелетие пробиться!

Нет, не донёс безвестный череп
мне весть в пустых теперь глазницах.

Мне б самому в той схватке скорой
и уловить, отринув злость,

тоску по родине, которой
ему объять не удалось.

1963 – 1964

«Слетела тихая снежинка...»

Слетела тихая снежинка
на меховой твоей воротник,
а на виске играет жилка –
незамерзающий родник.

Да я и сам – что лес морозный
с ручьём под снежной пеленой:
струится воздух папиросный
над обнажённой быстринной.

Как хрупко всё!.. А в доме жарко,
и хоть апрель ещё далёк –
блеснуло с ворса слёзкой жалкой
и расставаньем с мокрых щёк.

1964

«Ещё в томлении блаженном...»

Ещё в томлении блаженном
светло раскинулась река,
и над своим изображеньем
остановились облака.

В них обещаенье грозной драмы
и барабанного дождя,
но дремлют лиственные храмы,
берёз колонны возведя.

И тем из рощи – на побережье
крутом – не насторожен взгляд,
как свет сквозь влажный воздух брезжит
на эту тишь, на эту гладь.

И к шумно вдруг вскипевшим кронам
глаза невольно вознеслись:
играет дождь в плену зелёном –
с листа на лист, с листа на лист!

И ты, гармонии искатель,
из плеска музыку творя,
не замечаешь, что из капель
играющих одна – твоя...
одна – твоя...

Баллада о встрече

Шёл мужественный и высокий,
и строгий шов
по ворсу вымокшей осоки
шёл от шагов,
и прошивал он покрывала
зим и степей,
когда ж весной следы смывало —
след цвёл сильнее,
летописал цветною нитью
на том ковре,
как вместе с ночью по наитью
он шёл к заре.

Простоволоса, в светлой дымке
шла хороша,
и в лад судьбе-неуловимке
певуч был шаг,
играли два грудей овала
в огне воды,
волненье плёса целовало
её следы,
и там, где краснотал качался,
к заре другой
путь меж кувшинок означался
водой нагой.
Вставало солнце удивлённо,

как жёлтый слон,
в деревьях тёмные знамёна
кладя на склон,
а птицы и ручьи болтали,
что – не понять.

Что ж встреча тех двоих – была ли?

Как знать, как знать...

О встречах слыхивал, не скрою,
коротких, ах, –
заря встречается с зарёю
на северах!

Гастроль под открытым небом

Над бутафорским датским королевством
мышей летучих лоскутки –
беззвучные аплодисменты.

Нет зрителей – ряды молчащих Гамлетов
сверяют свою совесть с той, мятущейся
на сцене ветхой, словно в мире целом
восстали тени сгубленных отцов.

Незримыми терзаемый страстями
рассудок сам – наполовину страсть:
как быть?..

Да разве ж не завидней одержимость
безумного испанца из Ламанчи?!

Над бутафорским датским королевством
угасли фонари, рукоплесканья
иссякли, выставились звёзды.

Нет Гамлета – немолодой актёр
стирает грим, в аллее из партера,
безмолвствуя, уходят эльсинорцы.

День завтрашний приподнимает плечи:
как быть?..

Мельня

У струй замшелых рек,
что начинают бег
водою ключевою, –
на мельнице забытой
творится время всё – нехватка и избыток,
всё бремя времени, на всё живое.

Великий Мельник сносит непрестанно
в помол грядущего зерно,
в котором – перевозданно –
изменчивое с вечным сведено,
и мелево выносится на форум
и пожирается немедля хором,
в котором нет числа мирам
и меры временам,
крупчатка жизни сыплется и нам.

Напряг безостановочен работы,
нет роздыху, не сбавить обороты:
и жернова прожорливо скрежещут,
и колесо скрипит, и плиты мерно плещут,
и с жёлоба язык струи, свисая, блещет
от солнц и лун, сменяющих друг друга,
и мудрая вода бормочет без досуга:
– Загрёшь на миг, вовек не отомрёшь –
беги, пока бежишь, хотя б и невтерпёж!..

Мне слышен этот голос поневоле,

тварь божия – бодлив я, да комол
и невелик, а все же мукомол
доставшейся мне доли.

1964

«Весенние кроны...»

В. Свиньину

Весенние кроны
ещё лишь на днях
висели зелёным
дождём на ветвях.

Я знаю два самых
чарующих дома:
там сумерек запах,
здесь воздух черёмух,
там зритель я завтра,
здесь нынче актёр, –
кулисы театра
и леса шатёр!

В излюбленном блещет
вода эпизоде,
листва рукоплещет
прекрасной погоде,
и я с той галёркой
согласно томим
негромкою ролькой –
собою самим.

«Я брал её за тонкие запястья...»

Я брал её за тонкие запястья,
их совершенно просто целовал.

Я этого никак не называл,
а в книгах – почитается за счастье,
и там еще об этом говорится:
все в первый раз – потом не повторится!

И на заре меня попутал бес.

В неповторимость счастья не поверив,
захлопнув книгу, распахнул я двери –
ну, что ж, проверим правоту небес:
все в первый раз – потом не повторится!

Не довелось мне к ней же воротиться,
дверей знакомых вновь не открывал.

Я осознал, что повторимость – счастье,
когда её за тонкие запястья,
случалось, брал и просто целовал...

1964

«Ликует птаха и полощет в горле...»

Ликует птаха и полощет в горле
отраду лета – где-то здесь, в кустах.

Сбегаешь ты на берег с крутогорья,
и осыпается песок в следах.

Вот всё примрет – едва лишь платья складкам
упасть у ног, лишь тронуть ветвь руке –
над долгим «и» испуг вспорхнёт «и» кратким!
А я божок приречный в лозняке.

1965

У костра

Избылось пламя – только в сучьях
шныряет мышь огней ползучих.

Мы с непонятной смотрим болью
на негодящие уголья,
и наши мысли не о ближних,
но близкое в них есть одно,
что каждый в сущности окно
на грани жизни и нежизни.

Задумываюсь, озарён
такой же мыслью: с двух сторон
глядят в огонь и из огня
какие силы сквозь меня?..

1965

Точность

Я в средоточье медленных событий,
где распускание бутонов нарочитей,
чем время зримое в тех пузырьках с песком, –
по мигу лепесток за лепестком
и за цветком цветок, другой и третий, –
томительно рождение соцветий.

Что делается с той женщиной цветущей:
едва забылась над водой текущей,
лицом и грудью к ней устремлена,
как струями витая быстрина
остановилась, – тут же ненароком
та женщина летит к её истокам.

Не для моих и жадности, и лени
такие тонкости в несчётности явлений,
вниманию доступных в каждый миг,
поэтому вперёд и напрямик
я корочу подробностей цепочки
и говорю:
– Весна. Взорвались почки.

Пришествие

И снова возвращается гулёна,
когда краснеют ветви оголённо
в берёзовом лесу и ветер влажный
гоняет по асфальту клоч бумажный.

Во всякий час – едва за город выйдешь –
одну ее хлопчущую видишь,
когда в руках, подобных смуглым соснам,
бельё снегов полощется под солнцем,
чтоб на ветру повиснуть для просушки, –
и облачные пухлые подушки
на синие ложатся покрывала.

Как будто слишком долго изнывала
по мужней ласке, по судьбе домашней,
по высланной половиками пашне –
и вот вернулась к хлопотам гулёна!

И думаешь о том ошеломлённо:
она – пора души или погода?!

И не заметишь вновь её ухода...

Провожая

3. Ливинцу

Судьба разводит, как свела.

В грядущем – тьма.

А ночь, как никогда, светла –
сойти с ума!

Пусть слёзы просятся к лицу –
нам не к лицу!

Мы в человеческом лесу,
как на плацу.

Все так же мне верней зеркал
твои глаза,
а то, что рвётся с языка, –
замнёт вокзал.

Разлука страшная беда,
но горший страх –
вдруг стать чужими навсегда
в двух, трёх шагах!

Слетит с руки руки тепло,
как ни держи.

Да будет памяти светло
всю ночь, всю жизнь...

Цокот

Сквозь изгородь и садик,
сквозь дом проходит путь,
которым скачет всадник
и не даёт уснуть.

Не ты ли в самой гуще
безудержной езды?
Дороге той бегущей
неведомы бразды.

Не зная мыслей задних,
вперёд, всегда вперёд
и рядом скачет всадник,
вращая звёздный свод.

Под теми ж небесами
часы стучат «цок-цок!»,
и всадник тот же самый –
в подушке твой висок!

«Ночи зимние...»

Ночи зимние.

Звёзды сквозные,
бесконечные острия.

Не оплачут печали ночные
ни метелица, ни плачя.

Мир живой и ушедший восходят
с двух сторон их внимающих глаз.

И обменяется жар мой на холод
твой в мирах, совмещающих нас.

Свечи теплятся здесь, а напротив –
два печальных, два тонких плеча,
неразумною мыслью о плоти
ослепляя и горяча.

1967

Однажды

Я позову в свой дом детей,
позволю им капризничать и плакать,
а после поведу в лесное утро,
где голос птицы ранней
войдёт мерцаньем смысла
в назревший свет.

Роса сгустится –
на листьях покрупнеют капли,
цветы откроют волю постояльцам,
согревшись, муравейник закипит,
и воспарятся запахи,
и луч в сосущей глубине
течением прозрачным
ручья растреплется,
и даже
окажется, что камень,
струе препятствующий,
жизнеречив.

Не я ли этот мир одушевляю?!
Вот поведу детей в лесное утро
и в заводи зеркальной
ответ увижу вдруг,
в улыбке различу горчинку,
в надрывном шуме города припомню
зазубрину сердцебиенья,

а может, вдруг такое угадаю,
что и себе позволю разрыдаться...

1967

Погудки

I. Табор

Вдоль ручья широкой далью
пробежал закат босой.

По траве роса печалью,
по лицу печаль росой.

Что ли голубь голубице
не по воркованию?

Не успели полюбиться –
время расставанию.

Не расти, трава, высокой –
табор всю повытопчет.

Не бывай, любовь, глубокой –
сердце грустью вытечет.

II. Похороны

Мухи таракана
хоронили,
вшестером несли,
да уронили!

Таракан ушиб
три колена:
– Чтоб на вас на мух
да холера,
чтобы руки-ноги
отсохли!..

С перепугу мухи
подохли.

Таракан сидит,
слёзы ронит:
– Кто теперь меня
похоронит?!

III. Снежок

Навеки со мною
ты будешь, дружок,
а всё остальное –
что слёзы в снежок!

Прощаясь навеки,
её утешал
и мокрые веки
её осушал.

Вкус помню поныне
и снега, и слёз,
да в лёгком помине
себя не донёс.

1967

Ноктюрн. Отзвуки

Распахни окно – слуховой аппарат
к горлу парка:
перепелиная – спать пора! –
перепалка
и пропитан до сумеречных высот
воздух смолкой.

Возведётся и вызвездится небосвод –
всё ли смолкнет?

Здесь оркестра, наверное, не собрать –
так, осколки!

Только песне расстроенной замирать
там, в посёлке.

В полночь кратком не спи,
дрёмы узник:
что куётся кукушкой – копи
в леса кузне.

Сколько всё ж ни успел примечтать –
не с лихвой ли? –
начинаешь из будущего вычитать
поневоле.

1967

Утильщик

Старьё, старьё – утильсырьё!

У нас ненужное в загоне.

Лишь мерин чувствует всерьёз
весомость прошлого в фургоне.

А сам утильщик – кепка на нос.

Его свистульки высвист прост,
и гонит за старьём в чулан нас,
и обещает горстку звёзд!

Утильщик – и колдун, и сыщик, –
он знает цену чудесам:

в воздушный шарик вставлен пищик,
чтоб всяк себя послушал сам!

Несутся дети на свистульку:
чудак-старик – старьём живёт!

Он детство ж – как бы наживульку –
навек им к памяти пришьёт.

1967

Ноктюрн. Звезда

Есть предрассветное единство
сознания и бытия,
когда звезды упавшей льдинка
осветит почек остря,
а всё высоких роц убранство
уже под инеем в ногах,
и вдруг означится пространство
миров – цветами на лугах.

И не звезде в кончине быстрой
возобновление прозреть:
Вселенной быть и божьей искрой
в глазах ничтожества сгореть!..

1967

Торг

Заглянул ко мне дьявол на днях.

– В чём дело, говорю, выкладывай!

– Я, говорит, насчет души.

– Какие, говорю, у тебя с ней проблемы?

– Не у меня, говорит, у тебя.

Я возмутился:

– Ах, чёрт возьми!

Он тут же в ответ:

– Возьму, говорит,
дам цену – не прогадаешь.

Не задумываясь, товар я выложил:
эх, пропадай душа!

Ну, говорит, и дерюжка –
в прорехах, насквозь изнасилась,
так что беру, чур, на вес.

Надо ж, нашёлся старьёвщик,
уже и весы наготове:
тут же на чашку душу,
а на другую – гирьку.

Ан у души перевес!

Нечистый так и подпрыгнул:
– Вот еще чертовщина!

Поставил гирию побольше,
перевес опять у души.

Выложил все разновесы,

а чашке с душой хоть бы хны.

– Это, кричит, подмена!

Сунул в прорешку палец,
отдёрнул и давай на него дуть:

– Ой, говорит, горячо!

Нет, пекла и своего хватает!

И с инструментарием без церемоний
выметнулся в окно.

Выходит, невежа, однако.

«Душа не покидает естества...»

Душа не покидает естества,
душа – узилище почти невольных связей,
пока в них боль – она ещё жива,
без них она окатыша безглазей.

Я рвущиеся ниточки вяжу
(ведь связи нам непросто достаются,
и потому я ими дорожу),
но беспрестанно рвутся, рвутся, рвутся...

Перестаю вязать я узелки,
и вот свободно мне и слепо тотчас,
и тотчас же сознательно силки
для жизни я вяжу, сосредоточась.

Душа не покидает естества.

1968

«Равно я перед ней в долгу...»

Равно я перед ней в долгу,
добру причастный или худу.

Реликвий не поберегу
и что забуду – пусть забуду.

Былая горечь в новостях
исчезнет вымысла бесследней.

В нечастых памяти сетях
лишь взгляд останется последний:
мученье глаз её родных,
разъятых двойственной заботой, –
ещё привычно мной больных
и любящих уже кого-то.

1968

Зимние хорей

Тетрадь посещений

Юрию Кононенко

*Всю ту морозную, снежную и ветреную зиму
я обитал у тебя в мастерской.*

*Будни занимала служба, а досуги коротались как
придётся.*

*В гостях бывали редко. Иногда нас посещали друзья и
женщины,*

но чаще – грёзы.

*Живые подробности той поры стали забываться, но
стихи*

остались, и вот некоторые – тебе и другим на память.

*Слух напрягается
в непроглядности
вьюг и ночей.*

Взять скворечницу бы что ли
смастерить?

Сквозь вьюжный чад
кто пойдёт по доброй воле
в гости!?

Ходики стучат,

да порой кукушка дверцу
открывает – огласить
получасье: всё хоть сердцу
веселее колесить!

Пой же, время!

Пусть надтреснут
бой, одышливы мехи!

Может быть, ещё воскреснут,
отогреются стихи!

В самый час на плитке жаркой
чайник ожил и запел,
в самый раз весь круг заваркой
обнести бы, да успел
спохватиться: разве ж гости
припозднятся по такой
непогоде!..

Есть хоть гвозди,
слава Богу, в мастерской.

*Вон в роще заиндевелой
ветка оголённая
закачалась.*

День-деньской перед глазами
хладнокаменный январь.

На сугробе гребнем замер
вьюг стремительный словарь.

Я бы зиму-зимски пропил –
отлегло бы и с концом!

Но в окне девичий профиль
вспыхнул белым изразцом.

От какого наважденья
воплотилось на стекло
отпечатком сновиденья
мимолётное тепло?

Невозможный этот случай
не уложится в мозгу –
пальцы разве лишь колючей
изморозью обожгу.

Вот что в воздухе витало,
чем дышал я, что, хотя
слов, казалось, не хватало,
проявилось вдруг шутя!

*Белыми мотыльками
вокруг фонаря
снеговерть обозначена.*

Всё хранит, что я утратил,
горькой памяти подвал.

До утра со мной приятель,
гость заезжий, тосковал.

О разлучных белых зимах
горевали вполпьяна,
словно выюга нам любимых
напевала имена.

Не отбеливали совесть,
не тревожили грехи.

Помня всё, забылись, то есть
впали в белые стихи,
не боясь тяжелым вздохом
эту лёгкость перебить.

Скоморох со скоморохом
может сам собою быть.

Ближе к трезвости по кругу
шли остатки папирос...

Проводил.

И впал во вьюгу –
в белый рой застывших слёз.

*Из ложбинки в ложбинку
снег пересыпается –
места себе не находит.*

Тем лишь красит мой акрополь
стужи мраморная мгла,
что не сходит белый профиль
в нише светлой со стекла.

Пусть сосёт тепло живое
этот стылый зимний свет,
пусть подобного покоя
ничего печальней нет,
но метелица немая
хоть позёмкой да жива!

Вот и я припоминаю
побеспечнее слова
и спешу веселья ради

чашку чая нацедить –
ну, прилично ли в тетради
общей вздохи разводить!

Чем не скатерть-самобранка
чистый лист, в конце концов!

Чем ещё не жизнь – времянка
сочинителя дворцов!

*Вновь взметается
снежный смерч,
бесприютно свет обезжавший.*

Всё лицо зацеловала –
мокрых век не разлепить.

Метят ласковые жала
всё слезами затопить.

Шалью белой облипает,
нежным зверем льнёт к жилью,
и в дверях не отступает,
тянет песенку свою.

Утихает на порожке,
растворяется в тепле,
лишь серебряные крошки
оседают на стекле.

Это всё, что на бумаге
остаётся от меня,
да и то боится влаги,
а точнее сказать – огня...

Морок вьюги изнебесной

завился в семи ветрах:
чуть вздохни – и слёзкой пресной
обернётся на губах.

*Мысли, как снежные вихри:
прилетают и распадаются в прах,
возникают и уносятся прочь.*

Я ушёл.

В себя.

Далёко.

Знаю, как тебе со мной
рядом кутать одиноко
плечи в шарфик шерстяной.

Но не горько, а скорее
терпеливо и светло,
чашкой с чаем руки грея,
в мутное глядишь стекло.

Там, за ним, с исходом ночи,
словно разом вслух сказать,
звёзды наших одиночеств
начинают исчезать.

Воеет снегоочиститель,
в чашке чай давно остыл.

Как легко в мою обитель
я тебя переместил!

Если впрямь придёшь ко мне ты –
не столкнись сама с собой,
не сожги моей планеты,

грёзы этой голубой.

*Вплавлена синева
в разводы инея:
эмаль по серебру.*

Чувствуется, вот нагрнет
марта первое число,
запуржит, и забуранит,
и залепит всё стекло.

Как часам в железном беге
износится суждено,
так исчезнет в белом снеге
то, что снегом рождено, –
и навеки белый профиль
за завьюженным окном
сгинет в царстве белых кровель
с белогривым скакуном.

Но качнётся чуть подкова
рядом с дверью на гвозде,
как тоска очнётся снова
на грунтованном холсте,
и какой бы слов разъятье
звучностью ни пронизать,
вся их музыка – проклятье,
если некому сказать.

*Тянет свежестью –
белья ли, газет ли –*

от надтаявшего снега.

Книгочийствую ночами,
связью терпкой упоён
будней наших с мелочами
вязью писанных времён.

Мыслей чаша круговая
переходит от судеб
к судьбам, суть передавая:
как вода, как чёрный хлеб,
жизнь сладка!

Тому порукой
мука трудная моя,
от которой и с подругой
лёгкой нет мне забытья.

Пёрышко ещё от птицы
вечности не принесло,
и в конце ещё страницы
не проставлено число,
и картонке на мольберте
весь не отдан непокой,
чтобы день, другой по смерти
праздность править в мастерской.

*Вот и событие:
ветер переменился.*

Снег осунулся, но тропку
за ночь свежим занесло.

В учреждение торопко
я бреду, чтоб в ремесло
впрячься и свою природу
тратить фабрикой ума –
любоваться на погоду
без отрыва от бумаг.

Днём в безликости расчёта
трезвый торжествует бог,
но для вечера он чёрта
человечного сберёг.

И толчёт ледышки в ступе
рыжий чёртушка – мой друг.

Может, оттепель наступит
в самом деле, если вдруг
в нетерпении подрамник
он холстиной оснастит, –
пусть там завтра спозаранок
тропка мерзлая хрустит...

*Что-то лопочет
на тумбе в просевшем сугробе
обрывок афиши.*

В ясный день, хотя и не пил,
странно пьян я.

Узнаю
в талом снеге серый пепел
пропылавших белых выюг.

С крыш в синичий знобкий воздух

спички капель чирк да чирк,
сквозняком труху на гнёздах
ворошит весенний цирк.

Что ж, приспел апрель пернатый
и куражится скворцом –
враль, хвастун невероятный
над копеечным дворцом.

Над проталиной у дома
слёзный зыблется парок –
в неземной мои фантомы
зимние плывут чертог.

Но мурашком новой жизни
проникает под пальто,
хохоча на вечной тризне
сумасшедший шапито.

1968 – 1969

Дорожная тетрадь

Э. Шиловскому

I

Невозможно много за ночь
перечувствовано мной.

Внятна эта несказанность
изморози кружевной.

С отрезвляющим апрелем
разлететься в светлый дым
тонким этим акварелям,
наслоениям ледяным.

Совершится неизбежный
четвертей круговорот,
и туман узора нежный
на мгновенье оживёт.

Исчезая, он заплачет –
грянет струйки тонкой трель.

Декабрём был образ зачат,
а сотрёт его апрель.

Через пальцы просочится
с подоконника вода.

Только чистая страница,

может, явит иногда
вихрем мысленных материй
в голубиной воркотне
город белый, белый терем
с белым обликом в окне.

II

В монотонные просторы,
в столбовые провода
наши с вьюгой разговоры
затянулись без следа.

За страницу белых стёкол
в масляный гляжу глазок,
слышу, слышу, как зацокал
белкой серую лесок.

Времена чем невозвратней,
тем в помине голубей.

Поднимаю с голубятни
стаю белых голубей.

Понемногу с каждой птицей
набираю высоту.

Лишь бы им не утомиться,
не исчезнуть на лету,
лишь бы только передали,
что их движет изнутри!

И в неведомые дали

пропадают почтари.

Не хозяин я теперь им,
как и не жилище мне
город белый, белый терем
с белым обликом в окне.

III

Истожились снегопады,
и утишились ветра.

Только дворницкой лопаты
шорох слышится с утра.

Простираясь недалёко,
мысли зримые тихи,
и мгновенна подоплёка
вдоха-выдоха в стихи.

Бог ли дали мне зашторил
серебристою тоской?

Наяву я грежу что ли?

Жду ль кого-то день-деньской?

Мимолётность – лейтмотивом
всякого черновика.

Иней в окнах – негативом
писанного на века.

Задержавшемся мигу
удосужив свой кивок,
я вникаю в эту книгу

и в застрочье, и меж строк,
где пробелом между делом
неизменно явен мне
город белый, белый терем
с белым обликом в окне.

IV

Запропали где-то вихри –
позади иль впереди...

Хруст шагов – чужих, своих ли –
душу только бередит.

Гвоздь ко всякому моменту
звонко ходики куют
и за чистую монету
гвозди эти выдают.

Настоящего события
кто б удачней прикупил:
в каждом «есть» могу открыть я,
что ж я буду, что ж я был!..

Разве не мгновенна вечность –
я же в вечности бреду!

Может, в этом я беспечность
наконец-то обрету?

Вот уж чувствую вольготу –
бить перестаёт в виски
жизнью втянутый в работу

маятник моей тоски,
и теряю счёт неделям –
поглотил меня вполне
город белый, белый терем
с белым обликом в окне.

V

От тишайшей этой стужи
и от каменных палат
я решил бежать, и тут же,
взяв билет, я стал крылат
в предвкушении сперва лишь,
как меня, оторопев,
встретит славный мой товарищ,
деревенский терапевт!

То-то б нам покуролесить,
но пурга на мой визит –
с курса сбит АН-2 (не 10)
в непредвиденный транзит.

В заметённой деревеньке
мой гостиничный редут,
где теряются не деньги –
в счёт деньки мои идут –
и дотошный где будильник
этот вьюжный свет честит.

Закадычный собутыльник

здесь меня не навестит.
Отнесён, считай, к потерям
в снежной этой пелене
город белый, белый терем
с белым обликом в окне.

VI

На крутую эту выюгу
тишь внезапная легла,
наконец-то, в гости к другу
мне пробиться помогла.

Медицинским чистым спиртом
разбавлялся разговор,
и под звёздный свод испытан
нужный путь на снежный двор.

В лад не спящей ли царевне
белый обморок зимы –
всей поди слышны деревне
торопливые пимы.

Запоздало попущенье –
израсходованы дни,
и на всё про всё общенье
сутки выдались одни.

Рано утром эскулапа
обнимаю я с тоской.

С трёхступенчатого трапа

помахав ему рукой,
улечу к своим пределам,
где предстанет внове мне
город белый, белый терем
с белым обликом в окне.

VII

О, душа!

Ты – горожанка!

Воздух здесь хоть и свинцов,
окнецо здесь и лежанка
для тебя, в конце концов.

Здесь житейские заботы
словно псы на поводке.

Здесь и встречи ждут субботы
с кем-нибудь накоротке.

В огненность моих ладоней
медленность её плечей,
а глаза в глаза – бездонней
кристаллических ночей.

Может статья, сгустком боли
подберётся сердце в мозг
от безвыходной любви
и невыплаканных слёз:
только-только глянуть стоит
на пустой экран окна,

как желание простое –
плакать – вымерзнет до дна.

Да отнюдь же не смертелен,
а спасителен вдвойне
город белый, белый терем
с белым обликом в окне.

VIII

Возвращенье из глубинки,
честно говоря, глуши,
как из валенок в ботинки
переход моей души.

Вьюги подвели итоги,
и сугробы аж в этаж.
Придается убогий
в окна въевшийся пейзаж.

Иль считать за подмалёвок,
или ж, раз на то пошло,
что для нежных лессировок
загрунтовано стекло?

Но шутя разоблачится
выспренных метафор муть –
надо в ночь лишь отлучиться
и холодного хлебнуть,
где проглядывает льдинкой
в синем воздухе луна.

Этот мой коктейль с чудинкой
надо выщедить до дна,
чтобы в ясности мороза
кроме звёзд не стало грёз.

Кончилась метаморфоза.

Никаких метаморфоз.

Сам я праздным подмастерьем
отвернул лицом к стене
город белый, белый терем
с белым обликом в окне.

1969 – 1970

Собственные колебания

Спешу и медлю, трачу и коплю,
и пить вино в один захлёб люблю,
и длю глоток, не помня как был начат.

Когда иначе – лучше потерплю.

Что ж, половодью тоже свой черёд.

Любовь накатит, да не вдруг спадёт.

Жизнь поспешит – натянет смерть поводья,
едва помедлит – время подхлестнёт.

Так не спеша покинуть этот свет,
уже прощаюсь, длю ещё привет.

Необратимо повторимы числа.

Спешить нет смысла, медлить смысла нет.

1969

«Проездом в голимые степи...»

Проездом в голимые степи
я помню тот реденький бор,
где сосен негромкие цепи
на жёлтый взошли косогор,
и тот городок неприятный,
где пуст за тобою вокзал.

Отстать мне в стоянке минутной
от поезда – Бог отказал.

Пожизненный узник той встречи –
вагон всё догнать не могу,
всё в том же тебе Семиречьи
я что-то кричу на бегу.

1969

Махина

При любви к механизмам часов
мне достаточна их обнажённость,
как предзимних раздетых лесов
затаившая бунт отрешённость.

Заводным шестерёнкам секунд,
что для вечности целой хлопочут,
чем-то, видно, сродни этот бунт
к прутьям голым прижавшихся почек.

Анатомия этих живых
не сложнее, чем у прочих пылинок:
жизнь соцветий, заложенных в них, –
двух механиков поединок.

Распускается тёмный бутон,
повторяя живое упрямство,
и в ничто под ветрами времён
осыпается роза пространства.

Но скорее увидит поэт,
а не тленной природы анатом, –
этот вольный реликтовый свет
с различимым едва ароматом.

«Я нашёл у души изнанку –...»

Я нашёл у души изнанку –
извожу на карандаши:
зачиню-ка, дай, спозаранку,
этот аспидный стержень души.

Дай-ка, думаю, тонкий росчерк
и пушу с его остря,
как те инеи в утренних рощах –
дел серебряных мастера!

– Но, душа, ты ножа жесточе,
раз в зазубринах все ножи,
абразивом каким заточишь,
остриё, чтоб вписаться в жизнь!

Я не знаю, как богомазу
удаётся писать образа.

Мне же сердце – сродни алмазу
процарапывает слеза.

Наконец-то, я праздную – плачу,
просто плачу, легко, ни о чём,
и во всём ощущаю удачу,
будто б не был иному учён.

«Вдруг значение слова...»

«Молчи, скрывайся и таи...»

Ф. Тютчев

Вдруг значение слова
забыл и молчу.

И толковый словарь
открывать не хочу.

Словно камни, слова
там сложились в столбцы –
не вздохнут, не всплакнут,
не вскричат мертвецы.

Как живых-то моих
мне б суметь убересть?

Каменеет и в строчках
изустная речь.

Моя тяга к словам
слабнет день ото дня,
и неназванный мир
окружает меня.

Золотые уста
мне душа разомкнёт –
то ли звук прозвучит,
то ли свет промелькнёт...

Бесконечный квадрат
не имеет углов,

совершенная речь
говорится без слов.

1970

Древо

Зелёный лист на плоти сада
от благодати дождевой
и от напасти шелкопряда
дрожал на ниточке живой.

Питая почку для побега,
он незаметно пожелтел
и неживой ещё до снега
однажды утром отлетел.

Так дерева, себя очистив
для изобилия живых,
исправно летописи листьев
запрячут в кольцах годовых.

Соображения резонны
за чередой зим и лет,
что в зрелых очертаньях кроны
заметных изменений нет.

Едва ж под лиственной державой
внедрится в кольца слабина,
как рухнет с памятью трухлявой
тысячелетняя страна.

«Вот антиквар теней – тот, кем сообщены...»

Вот антиквар теней – тот, кем сообщены
сомненья давних лиц, привыкшие пылиться,
кому всего ценней помарки тишины,
что в чистоту страниц несут страстей крупички.

Без усталы готов ему я собирать
поскрипыванье трав и таянье улиток,
и так – до холодов, и на конце пера
слова точащий сплав – мгновений лета слиток.

Картинку набросать цикадкам в унисон,
покуда не тускла – там ветер излистает:
зияют небеса среди осенних крон.

Со стороны – тоска на синем золотая,
где каждый листик – прах, и медлит соскользнуть
в круговорот смертей, и тянет жизни дозу.

Я ж, отмечая страх за плоть свою и суть,
в то, что и слов пустей, лечу – в метаморфозу.

1970

В горах опять

Внимающий взгляд мой рассеян
среди живописных картин
в сиреневых дымках расселин,
изрезавших склоны хребтин.

А выше, в каком-нибудь метре
от пламенно-белых высот,
в итоге студёных поветрий
готовится снежный поход.

С джайлоо в долину кочевник
по тропам отару повёл
вдоль белой воды, где в арчевник
шиповник цветущий забрёл.

Обилие выспевших ягод
ещё не осыпав на склон,
безумец – он дважды уж за год
цветением белым пленён!

На каменных осыпях выжив,
он снежные искры зажёт –
как будто богине свой вызов
бросает влюблённый божок!

Как будто и не был исколот
шипами своими ж, когда
крутящий терзал его холод
и жгла ледяная вода!

И вновь, расширяя границы

владений зимы на хребтах,
найдут облаков вереницы
безумный шиповник – в цветах!

Ну, что ж! Поглядел – и довольно:
я душу мою усладил,
с тем будто, чтоб стало мне больно, –
сегодня сюда приходил.

Мнемография

Пусть иней выбелил тропинки
до безупречной чистоты,
пусть одинокие травинки
там, сям до звонкости пусты,
но их не всякий обнаружит, и дальше десяти шагов
все частокол стволов закружит,
сведёт в укромину логов,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.